

Валерий Антонов

**Мнемохирург
берпсихологичес**

Валерий Антонов

Мнемохирург
(Киберпсихологический триллер)

«Автор»

2026

Антонов В.

Мнемохирург (Киберпсихологический триллер) / В. Антонов —
«Автор», 2026

Ближайшее будущее. «Мнемо-Клиник» — дочернее предприятие корпорации «НекроЛайф» — предлагает услугу энурезиса: избирательное стирание травматических воспоминаний. Мнемохирург — лучший специалист клиники. Три года назад он сам прошел процедуру, удалив воспоминание, которое не мог выносить. Он не помнит, какое именно. Но однажды система дает сбой. В клинику поступает женщина, которая помнит то, чего с ней никогда не случилось: полевой госпиталь, молодого солдата, кровь на руках. Это его воспоминание. Его стертая память. Его вина, пересаженная другому человеку. Мнемохирург обнаруживает, что стертые воспоминания не исчезают. Они хранятся в секретном резервном секторе «Лимб» и используются как эмоциональное сырье для обучения цифровых аватаров «Элизия». Чужая боль питает чужие души. И где-то в этой сети с ним уже связался человек, который прошел этот путь раньше, — Архивариус. Роман в жанре киберпсихологической остросюжетной фантастики. Вторая книга серии «Архивариусы».

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Шрам	5
Часть первая. Чистые	7
Глава 1. Энурезис	7
Глава 2. Резервный сектор	9
Глава 3. Пациент Зеро	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерий Антонов

Мнемохирург

(Киберпсихологический триллер)

Пролог. Шрам

Он проснулся от крика.

Не от своего — от эха. Крик оборвался до пробуждения, оставив после себя только пот на простынях, только трясущиеся руки, только пустоту в груди, которую невозможно было заполнить дыханием. Он сел на кровати. Часы показывали 03:17.

Три года. Три года он просыпался в это время, и каждый раз — без причины. Он не помнил, что ему снилось. Он не помнил, кому принадлежал крик. Он не помнил, почему три часа семнадцать минут — время, которое ничего не значило в его теперешней жизни, — врезалось в тело глубже, чем любой хирургический шов.

Он включил свет. Руки все еще дрожали — профессиональный риск, говорил он себе. Побочный эффект долгой работы с нейроинтерфейсом. Мелкая моторика страдает. Ничего личного.

На тумбочке стояла коробка.

Обычная картонная коробка, перетянутая белой бечевкой, — такие выдают пациентам после выписки. На боку надпись: «Личные вещи. Не вскрывать до полного восстановления». Он не вскрывал ее три года. Сначала — потому что следовал инструкции. Потом — потому что боялся.

Сегодня он открыл ее.

Внутри лежало немного. Армейский жетон — стальной, потертый, с выбитым именем, которое он не помнил. Фотография — двое мужчин в полевой форме, один смеется, второй смотрит в объектив, прищурившись от солнца. И флешка — старая, с потертым корпусом, без маркировки.

Он взял жетон. Провел пальцем по буквам. Имя было чужим. Он знал, что когда-то оно что-то значило — может быть, все, — но сейчас ощущалось как слово на незнакомом языке. Звук без смысла.

Он взял фотографию. Человек, прищурившийся от солнца, был он сам. Моложе. Без шрама на предплечье. Второй — тот, что смеялся, — смотрел в кадр так, как смотрят люди, которые не знают, что умрут через неделю.

Он не помнил его имени.

Он взял флешку. Повертел в пальцах. Потом вставил в порт наручного терминала. Система запросила пароль. Он ввел дату — 03:17. Экран мигнул. Открылся единственный файл.

Видео.

Полевой госпиталь. Палатка. Капельницы. Кровь на простынях — слишком много крови для одного тела. Молодой солдат лежит на носилках. Его глаза открыты. Он смотрит прямо в камеру — прямо на того, кто держит телефон.

«Ты только не...» — говорит солдат.

И тишина. Файл обрывается. Конец записи.

Он смотрел на застывший кадр. На лицо, которое не помнил. На шрам, которого тогда еще не было. Где-то глубоко в нейронной сети, в стертом узле, который он сам иссек три года

назад, пульсировала пустота. Не память — ее больше не было. А форма, которую она когда-то занимала.

Он был лучшим мнемохирургом в клинике. Он стер сотни чужих травм. И одну свою.

Он не помнил, какую именно.

Он выключил терминал. Положил флешку обратно в коробку. Закрыв крышку. Бечевка осталась развязанной.

Завтра у него начиналась смена. Двенадцать часов в операционной. Тикет №218: женщина, потерявшая ребенка. Хочет стереть все, что с ним связано. Он войдет в ее нейронную карту, найдет узел травмы, иссечет его, зальет синтетической амнезией. Она выйдет из клиники обновленной. Чистой. Свободной.

Он завязал бечевку.

Руки больше не дрожали.

Часть первая. Чистые

Глава 1. Энурезис

Запах антисептика и холод хирургической стали.

В операционной всегда пахло одним и тем же — стерильностью, которая не различала живое и мертвое, тело и память, боль и ее отсутствие. Мнемохирург стоял у консоли и смотрел, как на визоре разворачивается трехмерная нейронная карта. Женщина. Сорок два года. Тикет №218.

Он не спрашивал ее имени. Инструкция не запрещала — инструкция не рекомендовала. Имя создает привязку. Привязка создает сочувствие. Сочувствие мешает работать.

— Начинаем процедуру энурезиса, — произнес он в микрофон. Голос звучал ровно — тренированная интонация, поставленная за годы практики. — Пациент, вы меня слышите?

— Да. — Голос женщины был тонким, как перетянутая струна. Она лежала в иммерсионном кресле, опутанная оптическими кабелями. Глаза закрыты. На лице — ни следа тревоги. Легкий седативный коктейль, стандартная премедикация.

— Вы понимаете суть процедуры?

— Вы удалите воспоминания. Те, которые я выбрала.

— Да. Блок памяти, связанный с объектом «Майкл», возраст — четыре года, будет иссечен полностью. Вы не будете помнить его имя. Вы не будете помнить его лицо. Вы не будете помнить события, в которых он присутствовал. Для вас он перестанет существовать. Вы подтверждаете согласие?

Пауза. Три секунды. Он знал эти паузы — каждый пациент брал их перед последним шагом. Не страх. Прощание.

— Подтверждаю.

Он развернул нейронную карту. Узел «Майкл» пульсировал алым — контур детского лица, размытый, как акварель под дождем. Четыре года. Синдром внезапной детской смерти. Мальчик не проснулся утром. Женщина не смогла жить с этим воспоминанием.

Мнемохирург взял нейроскальпель.

Инструмент был продолжением его пальцев — тонкая оптическая игла, проецируемая в нейронное пространство пациента. На визоре она выглядела как луч света. В реальности — как отсутствие: она не резала ткань, она разрывала синаптические связи, отсоединяя память от эмоционального ядра.

— Начинаю иссечение узла.

Он провел скальпелем по контуру детского лица. Связи рвались одна за другой — тихо, беззвучно, как лопаются мыльные пузыри. Сначала — периферийные ассоциации: запах детской присыпки, вкус яблочного пюре, звук смеха из соседней комнаты. Затем — центральные: первое слово, первый шаг, последний вдох.

Пациентка лежала неподвижно. Слеза скатилась по ее щеке — он заметил ее боковым зрением и не отвел взгляда от визора. Слезы были нормальным побочным эффектом. Тело помнило то, что разум уже забывал.

Узел «Майкл» схлопнулся в точку. Исчез.

Он ввел синтетическую амнезию — гель, заполняющий пустоты между оставшимися нейронными связями. На карте это выглядело как голубое свечение, растекающееся по синаптическим щелям.

— Процедура завершена. Пациент, как вы себя чувствуете?

— Я... — Она открыла глаза. — Я не помню, зачем пришла.

— Это нормально. Постепенно память о процедуре тоже сотрется. Вы будете помнить только то, что было до и после.

— До и после чего?

— Ничего. — Он отключил консоль. — Ничего не было.

Она ушла через двадцать минут — легкой походкой, с чистым взглядом. Медсестра проводила ее до выхода. Мнемохирург смотрел ей вслед через стекло операционной и думал о том, что три года назад он сам сидел в таком же кресле. И вышел из него таким же — обновленным. Чистым. Свободным.

Он не помнил, от чего освободился.

Таймер на консоли показывал 11:47:03. Двенадцатичасовой цикл почти завершен. Он закрыл тикет №218 и открыл диагностическую панель.

В правом нижнем углу визора иконка протокола «Лета» пульсировала тускло-синим. Полное стирание. Применялось только в случае утечки данных или угрозы раскрытия. За пять лет работы он ни разу не видел, чтобы она горела красным.

Он проверил системный журнал. Все иссеченные за смену узлы ушли в архив — стандартная процедура. Резервное копирование перед окончательным удалением. Через тридцать дней система очистит буфер.

Он пролистал архив до начала месяца. Узлы были на месте. Сотни иссеченных воспоминаний — детские лица, голоса умерших, запахи потерянных домов. Они хранились в резервном секторе, ожидая автоматической очистки.

Или не ожидая.

Он заметил это случайно — сбой в нумерации. Архивный файл за прошлый месяц имел объем сто сорок семь гигабайт. Архивный файл за позапрошлый — сто тридцать два. Архивный файл за три месяца назад — сто пятьдесят один.

Объем не уменьшался.

Он открыл график за год. Линия шла не вниз — она шла вверх. Медленно, но неуклонно. Система не удаляла стертые. Она накапливала его.

Он проверил настройки очистки. Таймер был отключен. Не сломан — именно отключен. Кем-то с уровнем доступа выше его.

Он закрыл график. Иконка протокола «Лета» в углу визора продолжала пульсировать тускло-синим.

Таймер показал 12:00:00. Смена закончилась.

Он снял перчатки. Они оставили на пальцах тонкую белую пыль, похожую на пепел. Он потер пальцы друг о друга и подумал о правиле, которое сам себе установил три года назад: никогда не проверять архив.

Сегодня он его нарушил.

Он выключил консоль. Завтра у него начиналась новая смена. Тикет №219. Тикет №220. Рутинная работа. Он войдет в чужую нейронную карту, найдет узел травмы, иссечет его, зальет синтетической амнезией.

Но где-то глубоко в резервном секторе, среди сотен стертых воспоминаний, хранился файл, помеченный его собственным идентификатором. Он не знал этого. Пока.

Глава 2. Резервный сектор

Ночная смена отличалась от дневной только тишиной.

Днем в клинике гудели голоса — пациенты, медсестры, администраторы, родственники, которые ждали в коридоре, пока их близким стирали боль. Ночью оставался только гул серверов. Низкий, утробный звук, от которого вибрировал пол под ногами и что-то сдвигалось в грудной клетке — не сердце, глубже.

Мнемохирург сидел в операционной и смотрел на погасший визор. Смена закончилась четыре часа назад. Он не ушел.

Перед ним лежала коробка. Та самая, с бечевкой, которую он завязал сегодня ночью и развязал снова. Жетон. Фотография. Флешка. Он не стал включать запись второй раз — хватило одного. Хватило, чтобы вспомнить, что он ничего не помнит.

Он открыл консоль.

Диагностическая панель показала стандартную картину: все системы в норме, протокол «Лета» в пассивном режиме, архивные файлы ожидают плановой очистки. Он уже знал, что очистка не работает. Он хотел узнать, куда уходят данные.

Старый пароль администратора. Его оставил коллега — мужчина по фамилии Ковач, уволившийся полгода назад. Перед уходом он зашел в операционную, положил на стол листок с цифрами и сказал: «Не используй». Мнемохирург не использовал. До сегодня.

Он ввел пароль. Система запросила подтверждение уровня доступа. Он приложил свой бейдж — седьмой уровень — и добавил код Ковача. Экран мигнул. Открылась панель администратора.

Резервный сектор назывался «Лимб».

Он не знал этого названия. В официальной документации архив именовался «Буфер временного хранения». «Лимб» — слово из католической теологии, вспомнил он. Место, куда попадают души некрещеных младенцев. Не рай. Не ад. Промежуток.

Он открыл корневую директорию.

Сотни тысяч файлов. Каждый помечен идентификатором пациента и датой процедуры. Он пролистал до самого низа — до первых записей. Пять лет назад. Объем хранилища рос с каждым месяцем. Ни один файл не был удален.

Он открыл случайный. Идентификатор: «ПАЦИЕНТ_0847». Дата: 11 марта. Содержимое: узел «Авария». Мнемохирург помнил эту процедуру. Мужчина, выживший в автокатастрофе, в которой погибла его семья. Хотел стереть момент удара. Он стер. И вот он здесь — законсервированный, неподвижный, ждущий.

Чего?

Он открыл следующий файл. Идентификатор: «ПАЦИЕНТ_0312». Узел «Пожар». Ребенок, вытасканный из горящего дома. Он открыл еще один. «ПАЦИЕНТ_1201». Узел «Насилие». Женщина, не помнящая лица нападавшего.

Сотни тысяч файлов. Сотни тысяч более. И все они хранились здесь — не стертые, не забытые, а складированные, как органы в банке трансплантолога.

Он закрыл случайные файлы и открыл системный журнал передачи данных. «Лимб» не был конечной точкой. Раз в сутки, между тремя и четырьмя часами ночи, сервер отправлял пакет данных на внешний адрес. Протокол шифрования — максимальный. Получатель — скрыт.

Он запустил трассировку. Система шла в отказ — адрес был защищен. Тогда он использовал пароль Ковача повторно. Экран мигнул.

Получатель: «ЭЛИЗИЙ_АЛЬФА». Сектор премиум-хранения цифрового некрополя «НекроЛайф».

Мнемохирург откинулся на спинку стула. Элизий. Цифровое кладбище для богатых. Он знал о его существовании — все знали. Корпорация хранила цифровые копии умерших и продавала их близким как вечных собеседников. Но при чем здесь стертые воспоминания?

Он открыл лог последней передачи. Пакет данных — сорок семь гигабайт. Содержимое: сто двенадцать иссеченных узлов, включая узел «Майкл» из сегодняшнего тикета. Назначение: «Эмоциональное сырье. Категория: травма. Применение: обучение новых аватаров».

Сырье. Чужая боль использовалась как топливо. Как учебный материал для цифровых душ, которым нужно было научиться чувствовать.

Он пролистал дальше. И нашел свой идентификатор.

«МНЕМОХИРУРГ_734». Дата процедуры: 16 марта, три года назад. Содержимое: узел «Госпиталь_07». Статус: передан в сектор «ЭЛИЗИЙ_АЛЬФА». Применение: активен.

Активен.

Его стертое воспоминание не просто хранилось. Оно использовалось. Прямо сейчас где-то в цифровом некрополе аватар — возможно, не один — питался его болью. Его виной. Его незаконченным предложением.

Он открыл свойства файла. В графе «Связанные объекты» пульсировала одна строка: «ПАЦИЕНТ_0847» — тот самый мужчина из автокатастрофы. Его узел и узел мнемохирурга были объединены в один кластер.

И еще одна строка. «АРХИВАРИУС_734».

Идентификатор, непохожий на пациентский. Должность. Архивариус — сотрудник некрополя. Тот самый, о котором писали в новостях три месяца назад. Саботаж. Кража данных. Манифест. Он помнил заголовки, но не вчитывался — клиника и некрополь были разными мирами. Пересекать границу не полагалось.

Теперь граница пересекла его.

Он открыл логи Архивариуса. Последняя запись — три месяца назад. Короткий текстовый файл, отправленный по внутреннему протоколу, в обход аудита.

«Вы тоже это видите. Не стирайте. Сохраните. Она знала. Pearl знала. Они используют нас. Всех. И живых, и мертвых. Если вы найдете это — вы не один. Свяжитесь со мной».

Мнемохирург закрыл файл.

В правом нижнем углу визора иконка протокола «Лета» пульсировала. Не синим. Оранжевым. Промежуточный статус, которого не существовало в документации. Система засекла несанкционированный доступ. Она еще не подняла тревогу, но уже сомневалась.

Он посмотрел на часы. 03:17. Время, когда он просыпался каждую ночь. Время, когда сервер отправлял данные в Элизий. Время, когда умер солдат с фотографии — он не помнил этого, но знал теперь.

Он выключил консоль. Коробка с личными вещами стояла на столе. Бечевка была развязана. Жетон, фотография, флешка — три предмета, которые он запретил себе помнить.

Завтра у него начиналась новая смена. Но он уже знал, что не выйдет на работу. Он знал, что должен найти женщину из тикета №218 — ту, которой сегодня стер память о сыне. Ее боль ушла в «Лимб». Ее боль завтра станет чьим-то учебным материалом. Ее боль была еще жива.

И он знал, что должен найти Архивариуса.

Глава 3. Пациент Зеро

Утро началось с кофе.

Он не спал — четыре часа без сна после ночной смены были нормой, рутиной, частью профессиональной деформации. Кофе в бумажном стаканчике остыл, пока он сидел за стойкой регистратуры и просматривал расписание. Тикет №219. Тикет №220. Новые пациенты. Новые боли. Новые узлы, которые он иссечет и отправит в «Лимб».

Он не вышел на работу. Он пришел на нее.

Решение пришло где-то между рассветом и первой чашкой кофе. Если он уйдет сейчас — система заметит. Если он останется — у него будет доступ. Доступ к архиву. Доступ к логам. Доступ к пациентам, чьи стертые воспоминания еще не ушли в Элизий.

Он вошел в операционную. Визор вспыхнул, приветствуя его стандартной заставкой: «Мнемо-Клиник. Мы возвращаем вам будущее, освобождая от прошлого». Слоган придумал отдел маркетинга пять лет назад. Тогда он казался ему удачным.

Сегодня — нет.

Первый пациент ждал в приемном покое. Тикет №219. Мужчина, пятьдесят шесть лет, потеря работы, развод, депрессия. Хотел стереть воспоминания о бывшей жене. Стандартная процедура. Он провел ее на автомате — скальпель, иссечение, амнезия, — и все время думал о том, куда уйдет этот узел через сутки. В «Лимб». В Элизий. В чью-то цифровую душу.

Второй пациент вошел в одиннадцать.

Женщина. Лет тридцать пять. Темные волосы собраны в небрежный пучок. Одета не по погоде — легкий плащ, хотя за окном моросил дождь. Она села в иммерсионное кресло и посмотрела на мнемохирурга взглядом, в котором узнавание мешалось с недоумением.

— Доктор, — сказала она. Голос был тихим, но не слабым. — Я знаю, это звучит безумно.

— Все пациенты так говорят. — Он включил консоль. — Расскажите, что вас беспокоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.